

РАИСА РЯЗАНОВА: «Я НЕ СЧИТАЮ СЕБЯ ОДИНОКОЙ»

Тоня, самая благополучная из трех подружек — героиня фильма «Москва слезам не верит», стала олицетворением женской устроенности: любимый муж, любимая работа, прекрасные сыновья... Исполнительница этой роли Раиса Рязанова всю жизнь играла то счастливых мам, то бабушек... Но так ли уж безоблачна реальная жизнь актрисы?

Семь дней — 2004-22-28 ноября, с 76-81

— Раиса Ивановна, насколько характер Тони — героиня фильма «Москва слезам не верит» — соответствует вашему?
— Тосе для полного счастья оказалось достаточно такого человека, как ее муж. В моей жизни так не получилось. Но меня вполне устраивает та судьба, которую я прожила... Когда меня спрашивают: «Как же вы, одинокая, живете?» — честно отвечаю: «Но я не считаю себя одинокой». Если бы мне предложили начать все снова и что-то изменить в своей судьбе — ни за что не согласилась бы. Не дай бог! Я нормально прожила, и досады на то, что все сложилось именно так, у меня нет. Ни капельки не жалею о том, что, когда влюбилась, все рассказала мужу. Он выслушал меня, и только вздохнул: «Эх, дуручка ты, дуручка...» Ну дуручка. Мы развелись. Хотя даже после развода он долго надеялся, что я образумлюсь, но я закусила удила... Вообще по молодости часто замужывалась о том, что такое семья. Живешь с нормальным человеком, каргу встречаешь другого, начинаешь куролесить, круто менять свою жизнь, а потом, когда что-то не складывается, думаешь: «Что же ты шлово на как было меня?» Тогда бы оставил все как было. Но, повторяю, я ни о чем не сожалею. А с возрастом стала понимать главное — надо быть благодарной за все, что дает жизнь.

Вот взять фильм «Москва слезам не верит». Ведь попала я в него совершенно случайно — просто оказалась вместе с Владимиром Меньшовым в одной кинобригаде, которая ездила с концертами по провинции. По вечерам все мы собирались в ресторане — ужинали, рассказывали байки, и, видно, что такое режиссер угадал во мне. Меня вызвали на пробы. Кстати, на главную роль приглашали Маргариту Терехову, но ей не понравились ни сценарий, ни героиня — она говорила, что это все неправда и неинтересно. А фильм получился «Оскар»... Я считаю, что это большое везение — участвовать в такой картине. Да и в жизни мне по большому счету везло: я любила, и была любима, и за многое благодарна тем, кто был со мной рядом. А у многих людей и этого нет. Так что ни к кому и ни к чему я особых претензий не имею и с судьбой спорить не хочу — это все равно, что идти с наганом на танк. Смешно!

— Тоня, вы с благодарностью принимаете от жизни то, что она дает. Как же она подарила вам идею стать актрисой?
— Это все любовь. Я жила в Рязани, подружек у меня не было, уажеров тоже (я вообще гуленой никогда не была), и я стала ходить в драмтеатр. Сходила раз — понравилось, пошла еще. В третий вечер шел спектакль «Ромео и Джульетта». И я влюбилась в Ромео... Словами не передать, я находилась на грани жизни и смерти. Каждый день провожала его из театра, перебегая от дерева к дереву, чтобы он меня не заметил, а сама закликала: «Ну огнись...» А однажды он вышел вместе со своей женой, тоже актрисой. Как же я не увидела ее! Думала: «Попаласьсь мне где-нибудь — придибуй!» Вот тогда я дала себе слово: «Настанет день, и я буду играть»

ТЕТ-А-ТЕТ

на этой сцене для моего Ромео! И он увидит, какая я замечательная актриса... Это будет моя месть за то, что он меня не замечает...
— И этот день настал?
— Да, недавно. Я играла на сцене рязанского театра главную роль в спектакле «Незамужняя женщина». К сожалению, мой Ромео этого не увидел — его давно уже нет в живых... На встрече с рязанскими тележурналистами я рассказала эту историю. Через несколько дней ко мне пошла молодая женщина и сказала: «Ну, убейте меня. Я жена того самого Ромео...» Мы с ней разговорились, она пригласила меня в гости...

— Интересное совпадение — вы, Раиса Рязанова, приехали в Москву из Рязани...
— Вообще-то у меня бабушка и дедушка из Рязанской области — станция Верда, село Бычки. Они крестьяне, всю жизнь прожили в деревне, у бабушки было шестеро детей, мама — старшая. Потому она и в школу ходила всего полтора года — она

Раиса Ивановна с сыном Даниилом, невесткой Алёной и внуком Андреем

до было пиничить младших. Бабушка назвала ее притчей, и мама, качая люльку, целыми днями прила. Дедушка сам шил одежду, и не только для своих. У него была машинка «Зингер», и все соседки то и дело приходили к нему — Григорий Петрович, сней — Мама вышла замуж, родила дочку, мою сестру, а потом ее муж уговорил в бане, и она уехала из села, почему-то в Казахстан. Там встретила моего будущего папу, он был шофером. Приехал в те края и комбинировать и заболел, просто померло. Мама его, что называется, выхаживала: полюбила, отчала, отняла, накормила, спать уложила. Результат — выжила и. Потом отец ей рассказал, что у него есть жена и дети. Мама не хотела помочь его жить, но в то время выжила не разрешала. А папа все-таки приехал ко мне в детский садик. В мою память, нарцисчик, с белых деревьев стволы высокие чернышский человек и плачет. И я плачу. А подойти

друг к другу не смеем... Впоследствии мама вернулась в Россию и поселилась в Подмоскowie, в Раменском, а меня с сестрой на лето отправляли к бабушке с дедушкой в деревню. Дедушка нас, внуков, любил, хотя и душил. Естественно, за дело. Мы безукоризни так, что ни в скалке сказать, ни пером описать. Он выдает: «У-у, бродяги!» — и за хворостину.
— Что же вы так долго обещали делами?
— То клеветники от амбула в стого сены, и леда приехали потом сено вылами просеивать, то яина рыбалили и работале среди маркши свирпяти. А то сие на пурд сбегем, хотя дедушка не разрешал — там сибя не могли быть, вода мутная, да ене ому у березы, а мы плавать не умеем. И вот соседки сней, как рассказывали: «Гриша, твои беды на пруду!» Он: «Кто позволит? У-у, бродяги!» — и опять с прудом за нами. Мы ирыссыную, но на обел пришлолось возвращаться. А знаете, как мы обедали? По-

среде стола обшая алюминиевая миска. Туа называлась квас, насыпали картошка, лук, огурцы, редиска и крошилось одно яйцо — это на пятачках-то! У каждого деревянная ложка. Сначала мы хлебали квас с луком, потом дел говорили: «Ну, берите». И все начинали черпать со дна тарителе. Оставляла сына брать с собой на занятия. Оставляла его где-нибудь за снейю. Ребята по очереди кавали колючку, чтобы он спал, и я то и леда пообегали к нему с соской... Так и жили. На съемки в Данию тоже ехала с собой брата. Может быть, в свой первый большой фильм и пошла потому, что героиня была молодой мамой. Моего ребенка снимали вместе со мной. Да и в других моих картинах он часто снимался. Так что актерский стаж у сына уже 35 лет, хотя ему всего 36!
— Хорошо жаль-то не самим делами...
— Да, но наша счастливая семейная жизнь была неологой. Хотя потом внутри

чьи головы, этики ретерировали... А потом родился Данил. Я когда первый раз видела его на руки, смотрю — ну, просто куцля. Только эта куцля шепелявила, ест, просят, есе пеленки надо стирать, с ней гулять надо... Приходилось сына брать с собой на занятия. Оставляла его где-нибудь за снейю. Ребята по очереди кавали колючку, чтобы он спал, и я то и леда пообегали к нему с соской... Так и жили. На съемки в Данию тоже ехала с собой брата. Может быть, в свой первый большой фильм и пошла потому, что героиня была молодой мамой. Моего ребенка снимали вместе со мной. Да и в других моих картинах он часто снимался. Так что актерский стаж у сына уже 35 лет, хотя ему всего 36!
— Хорошо жаль-то не самим делами...
— Да, но наша счастливая семейная жизнь была неологой. Хотя потом внутри

и жалела, что так все случилось, но долго ни под каким видом не признавалась себе в этом. Все! Отношения в клоты, разлетелась-решетилась. Мне, как говорится, шаял пол хвоста пошла — «Я тебя знаю не хочу, и с сыном тебе общаться тоже ни к чему!» — завалада я мужу. Спасибо, одна мудрая женщина, монтажер со Студии Горького, сказала мне: «Раенка, так поступить все, а ты попробуй не как все. Все-таки Юра — твой отец Данил. И рядом с мальчиком должен быть мальчишка». Я отговаривалась: «Сами спрашивайте»... «Да?» — спрашивала та женщина... «И рогатку ему спелелить, и я футбол с ним сыгралить?» — выдалась и тут же повотрела, как Данил влетает к нашим мужчинам — оксетителю, оператору, как похвалит к ним, а чем-то всераширивает, и разрешил Юре общаться

с сыном. Тем более мы же продолжали жить, хоть и в разных комнатах, но все-таки все в той же нашей коммунальной квартире! Юра стал ходить за Данией в садик, но вечерам мы на кухне вместе пили чай. Дания пошел в школу — мы вдвоем ходили на родительские собрания... Все вроде бы налажилось. Да и что мне было думать, если это я сама подвала ни развол? Выбавши муж не раз предлагал мне восстановить отношения. Но я же гордил! Сейчас-то поверила, говорю: была глупой, но что подласть... Юра жила меня еще лет десять. Я знала, что у него были какие-то увлечения, он их и не скрывал. Думаю, специально, чтобы раздрачь на мне ревность. Это ему удавалось — дураку у меня все клекозато, но я упорно делала вид, что это мне абсолютно безразлично. А потом я обменяла

«Внука я воспитываю просто. Говорю ему: «Андрюша, тебе можно все. Но одно можно сейчас, а другое — позже»»

ТЕТ-А-ТЕТ

свою комнату, мы стали влетать реже. Слетая какое-то время Юра женился... Мы поддерживали с ним хорошие отношения. Никакой злобы у нас не осталось, приходили друг к другу в гости, встречались по праздникам, я подружилась с его женой, мы с сыном ездили к ним на дачу. А потом Юра умер...
— Сын решил стать актером по примеру родителей?

— В этом смысле его судьба, конечно, была предсказуема, он же с детства жил в этой профессии. Но — вот ведь отповский характер! — сам он долго мне не говорил, что решил по поводу профессии. После 10-го класса куда-то поступал, я так и не знаю, куда. Не прошел, год работал в школе лаборантом, ходил в драмкружок, где, кстати, познакомился со своей будущей женой Алёной (она потом окончила МГУ, факультет журналистики). И вот как-то приезжаю и после очередной съемки, он меня встречает со словами: «Мам, ты хотела, чтобы я до армии успел поступить в институт. Я поступил в Школу-студию МХАТ, к Калягину». Я ушам своим не поверила, говорю: «Покажи бумажку». Оказалось, действительно, поступил... Дания с удовольствием отучился год, и его забрали в армию. Я прощала его в военкомат со слезами, все, как у людей. А вечером он приходит домой. Я спрашиваю: «Ты чего?» А он смеется: «Я из армии пришел, почитать лома буду». Выискиваю, его видишь служить в Театр Советской Армии — он там декорации помогал ставить, убирал, в массовых сценах выходил. Так и отблуждал. После ГИТИСа Дания семью три работал в театре «Модерн», а потом перешел в театр «Сотражество актеров Таганки» к Губенко...
— С женой твой сын не танку?

— Нет, сразу после армии принял свою Алёну: «Мама, благослови!» И через год у меня появились внуки. Молодые живут у сына, но я тоже старалась участвовать в воспитании мальчишка, а как же! Часто хожу к ним, и Андрей ко мне приходит. А как его воспитываю? Да просто — ни в чем стара-

ТЕТ-А-ТЕТ

баине — мама была очень довольна и, с трудом собрав нужную сумму, мне этот баян купила. Мама еще в детстве поняла, что гармонист — первый человек на деревне, всегда и сыт, и пьян, и уважаем. Вскоре ее сестра Мария, которая жила в Рязани, предложила мне присхать к ним и поступить учиться в музыкальное училище — какое-никакое, а образование. Недало думая, мама снарядила меня в дорогу — дала одеяло, подушку, матрац... Сначала я жила у тети, но кому понравится, если у тебя под боком все время пилит гаммы на баяне? И мне пришлось (при моей-то стипендии в 14 рублей!) снять угол за широчайшей у чужих людей. Каким счастьем стало, когда я нашла частные уроки и получила какие-то деньги! Ох, и трудно было... Помню, как на первом уроке я сыграла домашнее задание через пень-колючу. Педагог спрашивает: «Сколько занималась?» Я горло отвечаю: «Час». Педагог ка-а-ак дал мне по рукам! «Заниматься надо по шесть часов каждый день!» Я ужаснулась: «А в кино когда? А погулять?» Но в конце концов учитель меня переборол. После училища я даже ездила поступать в консерваторию, в Горький. В Москву побоялась, она казалась мне совсемо дурнее, куда мне... — думала я. Но, когда приехала в Горький, поняла, что и тут абитуриенты подготовлены лучше меня. Собрала я быстренько свои пакетики и отпривилась домой. А там ждала мама. Как ей сказать, что экзамены я не сдавала? Она ведь билет мне купила, еду с собой дала. Не могу же я обмануть ее налегав! И я ничего другого не придумала, как ляпнуть: «В этом году девочке не берут». И она поверила! А что вы хотите, она же от всего этого была далека, всю жизнь работала — то чернорабочей на стройке, то посудомойкой в ресторане... И ей так не хотелось, чтобы я повторила ее судьбу... Я очень рада, что мама увидела мою первую картину «День и вся жизнь», где я снялась в главной роли. Она тогда пришла в раменский клуб и, стоя у касс, всем говорила: «Моя Раечка в этом фильме играет...» А ей не верили... Но это было потом, а тогда я поехала в ГИТИС и... поступила с первого раза.
— Непросто было девочке из провинции привыкнуть к новой жизни?

— Наоборот. Мне так все понравилось и спеленжение, и снейречь, и танец, и фехтонание, не говоря уже об актерском мастерстве... В общем, попала я в свою студию. Почувствовать себя провинциалкой просто не успела, тем более что почти все наш курс был приезжий, все жили в общежитии. Но само общежитие я совсем не помню — юзиралась из института в полночь, а в девять утра у нас уже начинались занятия. С Трифоновки целый трамвай студентов ехал, все безбилетники. У нас в институте был такой предмет — «память физических действий», и мы в трамвее разыгрывали целые этюды: делали вид, что достаем из кармана пятакоч, кладем в кассу, отрываете билет. Все контролеры нас знали: «А-а, опять ГИТИС едет», — умахались. Стипендия мы ждали как манну небесную, никаких же подработок не было. Кому-то, правда, родители помогали, а моя мама что могла? Только посоветовать: «Учись, дочка, получше...» Вот и училась.
— А как же ты жила в общежитии?
— Ой, ну с этим все было в порядке. Я быстро вышла замуж. А во втором курсе к нам после армии пришел Юра Перов — красивый парень, ростом пол два метра, все девчонки сразу рты пооткрывали, и я в том числе. Помню, у нас был этюд на первый раз привел, и я чуть было не предложила ему вместе сыграть его. Но постеснялась. Когда позже смотрела, как он это делал с другой девчонкой, страшно переживала. И нико же — после этюда он провозжал пошел не се, а меня! А вскоре пригласил домой кофе выпить, сказал, что, кроме его сестер, больше никого не будет. Через несколько лет одна из них мне напомнила: «Помнишь, когда Юрка тебя в первый раз привел? Это же были строгинья, он нас предупредил!» А я и не подозревала. Все у него было как-то не в открытую, а исполволь. Но даже предложение мне делал не впрямую, а как бы просто интересовался моими планами. «Не хочешь ли, к примеру, остаться в Москве?» — спрашивал. Я говорила: «Возможно». А получилось, будто бы я согласилась. И мы поженились.
— Где же вы поселились?
— В Юриной коммуналке, его сестры отдали нам маленькую комнатуку. Мы жили недалеко от института, на Арбате, и весь курс каждый день бежал к нам в гости —

кося не отказывать, только говорю: «Андрюша, тебе можно все, но ты заранее у меня спрашивай, потому что одно можно сейчас, а другое — позже». Что-то можно сделать так, а можно иначе. Давай все согласовывай!» Он иногда меня просят, подождет, скажем, часов в одиннадцать вечера и хитро спрашивает: «Бабуль, ты говоришь, что мне не любишь. А если я попрошу пойти сейчас погулять со мной, пойдешь?» Я соглашусь: «Пойдем». Мы выходим и минут 20 гуляем возле дома... А бывает внук придет из школы и начнет жаловаться, что его там обижают. Я говорю: «Ты старшая сначала поговорить по-хорошему, но уж если не понимают... У тебя кулаки или что?»
— В общем, стараетесь привить свой бизнесский характер. А вас лично ваш характер не подталкивал к каким-либо авантюрам?
— В моей кинематографической жизни у меня не было никаких экстраординарных трюков, я все время играла мирных, спокойных, домашних женщин — мам, а теперь бабушек. А мне всегда так хотелось пообщаться чего-нибудь необычного? И, когда выжила предложение поучаствовать в гонках по льду «Ангелы», и согласилась с радостью. И, представьте, шесть месяцев ползла и держала первое место! Только позже, когда смотрела, как мечтатели охотились ушастыми гонкам, поняла, как все это ни самом деле странно. Хорошо, что за рулем и об этом не догадывалась, иначе никогда не победила бы... А еще я мечтаю с парашютом прыгнуть. На фестивале в «Орленке» меня поднимали на парашюте над морем, с катера. Это, конечно, здорово! Но все же не взорвет. Мечта моя была уже близка к воплощению на съемках в «Решках амальгамы». Там моя героиня лядка была прыгнуть с парашютом. И так ждала этого момента, но нет, не дали прыгнуть, сняли все на земле. Но когда-нибудь прыгну обязательно. Я же верю в то, что мечты сбываются.

Тамара СЕРТЕБИНА
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

«Когда меня спрашивают, как же вы столько лет живете без мужа, одинокая, я отвечаю: «Одинокой себя не считаю!» Ни капельки но жалую о том, что, когда влюбилась, все рассказывала Данииному отцу»

